

УДК 159.923.2 : 316.64 – 32

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МАССОВОГО ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Дроздов Александр Юрьевич

Черниговский национальный педагогический университет имени Т.Г.Шевченко,
кафедра общей и возрастной психологии психолого-педагогического факультета
(e-mail: ad_ppf@ukr.net; Украина, г. Чернигов)

Аннотация

В статье освещаются психологические аспекты феномена массового геополитического сознания. Анализируются сущность, структура, особенности и факторы данного феномена. Приводятся данные ряда авторских эмпирических исследований современного массового геополитического сознания граждан Украины.

Ключевые слова: массовое геополитическое сознание (МГПС), геополитические образы, геополитические представления.

Геополитическое сознание как политико-психологический феномен. Бытие человека, как известно, одновременно протекает в нескольких «мирах» («системах координат») – политическом, экономическом, культурном, экологическом, географическом и т.д. В силу этого закономерным становится их своеобразная «интерференция» в индивидуальном и общественном сознании. При этом, в частности, восприятие «мира политики» может осуществляться сквозь призму «мира географического», и наоборот. Вследствие системного характера сознания, эти две, на первый взгляд, разные «системы отсчета» могут объединяться, «сплавываться», влиять друг на друга, что, в итоге, дает основания вести речь о феномене **геополитического сознания** (ГПС). Подчеркнем, что данный термин мы используем для обозначения именно популярных, «бытовых» геополитических образов, представлений и идей. Фактически речь ведется о том, что известный американский политолог Г.О'Тоал обозначал термином «популярная геополитика», отличая её от геополитики «формальной» (т.е. академической) и «практической» (сферы политических взаимоотношений на уровне государственных элит) [1].

Исследователи, изучавшие бытовые популярные геополитические образы и представления, использовали для их обозначения разные термины: «низкая геополитика» [2], «геополитическая культура» [3], «геополитическое знание» [4], «геополитическое мироощущение» [5], «внешнеполитическое сознание» [6], «внешнеполитический менталитет» [7] и т.д. Мы же настаиваем на целесообразности употребления термина «геополитическое сознание» исходя из двух соображений. Во-первых, понятие «сознание» дает возможность рассматривать ГПС именно как психологический феномен (что может быть более психологическим, чем сознание?). Вместе с тем, такие категории как «культура», «менталитет» и другие, фактически уводят нас в другую, непсихологическую площадь. Во-вторых, определение данного типа сознания как «геополитического» позволяет расширить его смысловую сущность, не ограничиваясь внешнеполитической сферой (ведь геополитические представления могут касаться и внутривнутриполитического пространства – столицы своей страны, ее отдельных регионов и т.д.).

Отметим, что термин «геополитическое сознание» уже использовался в работах некоторых исследователей, прежде всего политологов. При этом, однако, часто имеет место отсутствие четких определений данного феномена, или же предлагаемые трактовки являются, на наш взгляд, нечеткими или относительно спорными. Например, французский политолог Ф.Моро-Дефарш определял ГПС как осознание людьми (преимущественно

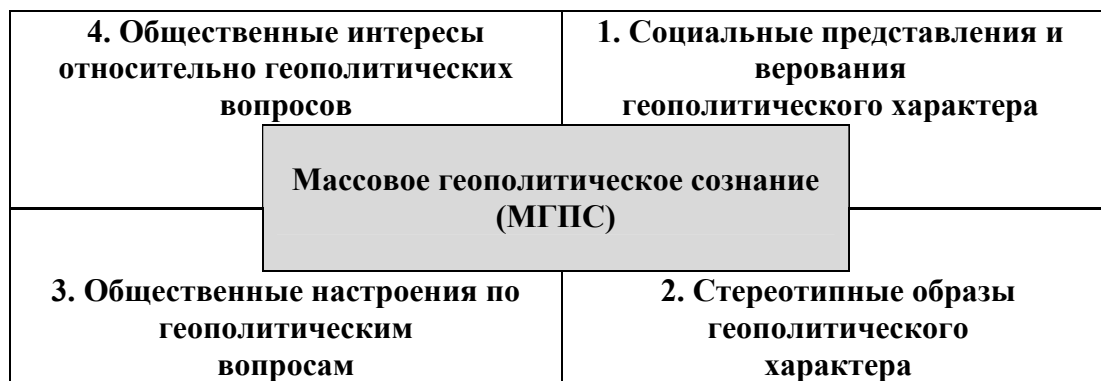
политическими элитами) пространства, как сферы проявления могущества их государств [8]. С таким определением, на наш взгляд, еще можно было бы согласиться до XX века – эпохи развития института СМИ, и, как следствие, распространения массовых геополитических представлений. Украинская исследовательница В.Ефимова предлагала рассматривать ГПС как *«составляющую современного ... мировоззрения и массового сознания, которая мотивирует и побуждает к геополитически безопасной деятельности на международной арене...»* [9, с.200]. Если тезис о связи геополитического и массового сознания представляется целиком логичным, то упоминание о мотивации к *«безопасной деятельности на международной арене»* выглядит как минимум странным (можно вспомнить, например, факт поддержки войн в Ираке или Югославии со стороны значительной части населения США и стран Западной Европы). Ряд украинских исследователей определяют ГПС как *«специфическую духовную реальность – особую форму связи географии и политических отношений»* [10, с.50]. Полностью соглашаясь со второй частью данного определения, мы вынуждены критически оценить первую, поскольку словосочетание *«специфическая духовная реальность»* является неясным, а потому психологически бессодержательным.

Мы предлагаем следующее определение феномена ГПС – это форма отражения (ментальной репрезентации) событий и явлений «политического мира» сквозь призму «мира географического» путем отождествления определенного географического пространства с проводимой там политикой [11]. Фактически, ГПС выступает специфической разновидностью сознания политического, хотя, как будет показано нами далее, оно тесным образом связано с другими видами общественного сознания. «Продуктом» и своеобразным индикатором ГПС выступают своеобразные «геополитические образы мира», или, точнее говоря, «геополитические ментальные карты».

Массовое геополитическое сознание. Многие исследователи, изучавшие популярные геополитические образы и представления, рассматривали их как разновидность общественного (массового) сознания. На наш взгляд, как и политическое сознание в целом, ГПС может развиваться, функционировать и проявляться на разных уровнях – индивидуальном, групповом и массовом. Вместе с тем, большая часть геополитических образов и представлений выступают формой именно социального знания (или «социальных представлений» по С.Московичи), поскольку собственного опыта личности для осознания геополитической реальности, как правило, не хватает; к тому же, источником такой информации в основном выступают социальные институты (система образования, СМИ и т.д.). Кроме этого, значимыми факторами и структурными компонентами ГПС являются социокультурные стереотипы, политические (в т.ч. геополитические) мифы. Все вышесказанное заставляет нас обратить особое внимание именно на феномен **массового геополитического сознания (МГПС)**.

Поскольку МГПС (как и сознание человека в целом), выступает комплексным, системным феноменом, при анализе его структуры мы решили опираться на принципы системного описания психических явлений, разработанные известным российским психологом В.А.Ганzenом. Напомним, что им была предложена модель так называемого «пентабазиса», дающая возможность описать любое сложное явление с помощью пяти элементов, из которых четыре являются структурными, а пятый – интегрирующим [12]. В результате проведенного теоретического анализа мы получили следующую структурную модель МГПС (рис.1). Заметим, что пары компонентов 1-2 составляют когнитивный (познавательный), а 3-4 – мотивационный (регулятивный) блоки МГПС. В тоже время, пары 2-3 отражают «нижний» (бытовой), а 1-4 – «верхний» (более идеологически структурированный) уровни. Следует отметить, что описанные нами составляющие МГПС по своему смыслу перекликаются с теми компонентами массового (общественного) сознания, которые ранее были выделены социологами [13] и психологами [14].

Рисунок 1. Системное описание структуры массового геополитического сознания

Что касается психологических особенностей МГПС, то, прежде всего, следует обратить внимание на его интегративный характер. Объединяя в себе знание разных типов (пространственное и социально-политическое), МГПС фактически является своеобразным «интегратором» в процессе познания широкого круга явлений – определенных территорий, живущих там людей, происходящих там разных процессов и т.д. Все это предполагает наличие связей со многими другими формами массового (общественного) сознания. Прежде всего, это географическое и политическое сознание, что видно хотя бы из самого названия рассматриваемого явления. Географическое сознание (культура) содержит нормы и традиции восприятия и осмысления географического пространства на разных его уровнях. Так, нормы отечественной и западноевропейской географических культур с детства формируют стереотип европоцентрического восприятия мира – достаточно вспомнить «классические» карты мира, на которых именно «старушка Европа» занимает центральное положение. Важнейшую роль тут, безусловно, играют политическое сознание и культура, связанные с восприятием и оценкой разных политических явлений (в т.ч. государств, их союзов) и процессов (внутренней и внешней политики стран, военно-политических конфликтов и т.д.).

При этом было бы ошибочным считать, что содержание МГПС ограничивается только географическим и политическим знаниями (хотя именно они являются его «базисом» – «знанием-где» и «знанием-что»). Во-первых, сама сущность политики делает ее сферу достаточно широкой, поскольку политическим потенциально может быть абсолютно любое явление, вызывающее общественный интерес. Во-вторых, многие геополитические по своей сути феномены могут иметь и «неполитическую» сторону. Например, США могут восприниматься как государство, проводящее определенную политику, и/или как страна со специфическими культурными традициями. В итоге, можно выделить связи МГПС с такими формами общественного сознания: экономическим («Америка – самая богатая страна мира»), национальным («Россия – для русских»), историческим («Испокон веков эта земля была нашей»), эстетическим («Италия/Франция и т.д. – страна самой красивой архитектуры/музыки...»), экологическим («После Чернобыля жить на Украине опасно...»), правовым («Нарушив всех международных нормы, НАТО напало на Югославию»), религиозным («Иерусалим – святая земля»), моральным («глобализация несет с собой зло»).

Упомянем также и о других особенностях МГПС. Так, последнее построено иерархически: в формальном (пространственном) измерении можно выделить следующие уровни: нижний (страна, ее части) – средний (регион мира) – высший (глобальный); в содержательном плане выделяются нижние (отдельные ассоциации, воспоминания, бытовые представления) и более высокие, теоретико-идеологические слои.

МГПС содержит как относительно стабильные (связанные с мировоззрением, социокультурными стереотипами), так и динамические составляющие (их наличие обусловлено объективными социально-политическими изменениями в окружающем мире).

С другой стороны, содержание МГПС носит комплексный («смешанный») характер. Так, относительно абстрактные компоненты (географические и политико-идеологические

знания) часто связаны с чувственными (образы и представления определенной местности, политическая символика и т.д.). Многие когнитивные компоненты (стереотипы «союзников» и «врагов» и т.д.) являются эмоционально окрашенными.

На наш взгляд, МГПС выполняет три основные функции:

- когнитивная – формирование более-менее целостной картины социально-политической жизни на разных пространственных уровнях;
- регулятивная – проявляется в регуляции политической активности социальных групп (в виде массовых политических акций или движений);
- коммуникативная – интеграция социальных групп на основе развития социальной, политической (и геополитической), этнической идентичности, выработки более-менее общих взглядов, позиций, установок относительно политики своей страны, политического мироустройства.

Использование принципов системного подхода дает возможность предложить модель, отражающую многофакторную и полидетерминационную природу ГПС. Она включает четыре группы факторов: 1) демографические (пол, возраст); 2) личностные (индивидуально-психологические); 3) географические (природные); 4) социальные (социально-психологические, культурные, политические). Группы № 1-2 отражают факторы, которые условно можно обозначить как «индивидуальные», т.е. определяющие персональный уровень функционирования ГПС. В тоже время группы № 3-4 иллюстрируют так называемые «внешние» факторы, отражающие особенности ГПС именно на групповом и массовом уровнях. Факторы № 1 и 3 условно можно определить как «природные», которые влияют на ГПС опосредованно, а факторы № 2 и 4 по своей сути являются личностно-социальными («гуманитарными»), т.е. влияющими на ГПС непосредственно.

При рассмотрении феномена МГПС особое внимание следует обратить на группы факторов № 3-4. Так, еще с давних времен ряд мыслителей выдвигали идеи о связи географического расположения территорий и особенностей политического сознания их жителей. Например, по мнению Аристотеля и Цицерона, приморское расположение портовых городов позволяло их жителям не только вести торговлю, но и знакомиться с другими культурами, перенимать чужие обычаи (что, в свою очередь, воспринималось как потенциальная угроза государству). Тезис о связи геоклиматических факторов с политическим сознанием и «национальным образом мира» обосновывался как философами XVIII в. (Ш.-Л.Монтескье, Ж.Боден, Г.Гегель и др.), так и более современными мыслителями (Н.Бердяев, Н.Гумилев, Г.Гачев). Примером развития идеи «география–политическое сознание» является возникновение в российской общественно-политической мысли XX века евразийской концепции (Н.Трубецкой, П.Савицкий). Другим примером могут служить особенности «островной психологии» британцев. Так, известно, что островное расположение Великобритании сказалось не только на специфике национальной культуры ее граждан, но и на их геополитическом восприятии. Старый стереотип о том, что *«туземцы начинаются с Кале»* (т.е. ближайшего французского порта) жив до сих пор, в результате чего англичане мало идентифицируют свою страну с «единой Европой» (достаточно вспомнить, что Британия до сих пор не вошла в «зону евро», а Шенгенские соглашения подписала лишь на условиях ограниченного членства). Однако влияние географических факторов на МГПС нельзя переоценивать – они выступают скорее «природными предпосылками», влияя опосредованно сквозь призму той или иной культуры, ментальности, которые формируются в конкретном географическом пространстве.

Более значимой и обширной группой факторов МГПС является следующая, которая объединяет в себе все разновидности социальных факторов (социально-психологические, социально-культурные, социально-политические):

- **религия**: с давних времен обуславливала восприятие, как географического пространства, так и геополитических процессов. Тут можно вспомнить, что в эпоху Средневековья центром мира для европейцев-христиан выступал святой город Иерусалим, а

идея Крестовых походов против «неверных» воспринималась с большим энтузиазмом. Однако и в современную эпоху этот фактор остается значимым. Например, определение США как «Большого Сатаны», данное лидером иранской исламской революции аятоллой Хомейни, по-прежнему является актуальным в среде исламских фундаменталистов.

- **политические и геополитические мифы.** Комментируя роль последних в МГПС жителей Украины, политолог Ю.Шайгородский точно подметил, что «*В массовом сознании «европейский выбор» приобретает мифический образ рая и беспроblemной жизни: в современном украинском общественном мнении распространены идеи, что Европа символизирует «высшее благо», идеал воплощения Истины, Добра и Красоты, что отражается в многочисленных декларациях о «возвращении в Европу», «присоединении к Европе», провозглашаемых во время политических дебатов, научных дискуссий или культурных акций. Интересно, что даже в быту широко распространились такие словосочетания, как «евроремонт», «евростиль», «евроокна» и т.д., что отражают наше стремление приблизиться к «европейскому благу»...*» [15, с.31].

- **социально-политические процессы, происходящие в стране, регионе или мире в целом (военно-политические конфликты, глобализация, распространение терроризма и т.д.).** Известно, в частности, что войны между государствами часто меняли образ этих стран в сознании их участников. Так, до русско-японской войны многие русские крестьяне даже не знали о существовании Японии как страны, а среди более образованных слоев доминировала уверенность в победе и полупрезрительное отношение к японцам. После поражения в этой войне отношение к Японии в России коренным образом изменилось на опасливо-уважительное, а образ «желтых макак» уступил место образу «фанатичных самураев» [16]. Можно вспомнить и более современные примеры, например теракты 11 сентября 2001 года и последующие войны США в Ираке и Афганистане, которые способствовали изменению представлений в мире о самой Америке и Ближневосточном регионе.

- **коллективная (историческая) память о событиях прошлого (войны, геноциды, пребывание территории в составе другого государства и т.д.).** Так, негативное отношение к России среди жителей ряда стран Восточной Европы и Прибалтики связано с негативными воспоминаниями о временах «соцлагеря» и «коммунизма». Иногда эта память является достаточно «долговременной», охватывая многие столетия. Например, многие поляки «не могут простить» России не только установление послевоенного просоветского режима, но и участия в разделе польских земель в XVIII веке.

- **политическая идеология и пропаганда, политика в сфере образования и воспитания.** Система политической социализации, существующая в любой стране (независимо от уровня ее демократичности-тоталитарности) прямо или косвенно навязывает населению определенные геополитические образы и представления. Начинается все со школы при изучении истории, политической географии и ряда других дисциплин, и далее продолжается через каналы СМИ. Наиболее четко влияние этих факторов проявляется в тоталитарных обществах. Ярким примером может быть политическая пропаганда Третьего Рейха, навязывающая населению яркие образы «несправедливо захваченных немецких земель», «мирового еврейско-большевистского заговора» и т.д.

- **влияние СМИ, произведений искусства (кино, литература и т.д.).** На данном этапе масс-медиа можно считать основным фактором формирования МГПС, а медийные манипулятивные психотехнологии – основными механизмами такого формирования. Дело в том, что транслируемые через СМИ (прежде всего телевидение) «медийные образы» выступают основным источником геополитических знаний и представлений для большинства населения. Кроме того, институт СМИ является «промежуточным» звеном влияния многих других факторов (политическая пропаганда, искусство и т.д.). Тут можно вспомнить убогие стереотипные образы «СССР-России», содержащиеся в голливудской кинопродукции (страна снегов, медведей, мафии и КГБ, пьяные мужики в ушанках, валенках и с балалайкой).

- **культурные стереотипы, особенности национальной ментальности, языкового сознания.** Восприятие и понимание геополитической реальности, как и мира в целом, всегда происходит сквозь призму культурно обусловленных норм и стандартов («точек отсчета»). Так, ряд исследователей отмечают, что в основе экспансионистской внешней политики США во-многом лежат ментальные факторы, в частности, мифы о национальной исключительности американцев, и «мессианской идее» США в мире [17]. Еще более ярким примером может служить многовековое взаимное непонимание и искаженное восприятие культур Запада и Востока, что нашло отражение в феноменах «ориентализм» и «оксидентализм».

Учитывая вышеупомянутые факторы, можно очертить комплекс психологических механизмов, обеспечивающих развитие и функционирование МГПС. Это, прежде всего, механизмы, лежащие в основе влияния социальных институтов и социального познания: подражание, убеждение, внушение, мода, ассоциация, стереотипизация, мифологизация, идеализация, социальная категоризация, персонификация, дегуманизация, каузальная атрибуция, антиципация, идентификация, проекция, аттракция, механизмы группового фаворитизма и аутгрупповой дискриминации и т.д.

Психологические особенности современного МГПС. Специалистами США, Западной Европы, стран СНГ уже много лет проводятся исследования популярных геополитических образов и представлений. Вместе с тем, подавляющая часть этих исследований носит социологический характер, в то время как собственно психологические аспекты ГПС (в том числе и МГПС) часто остаются «за кадром». А потому, хотя определенные наработки российских [18] и украинских [19] психологов в этом направлении имеют место, многие вопросы остаются без ответа. Данное обстоятельство побудило нас к реализации исследовательского проекта «Психология массового геополитического сознания», некоторыми результатами которого мы хотим поделиться. В частности, с 2011 г. нами на Украине была проведена серия эмпирических исследований. Для изучения формальных и содержательных особенностей МГПС мы использовали комплекс ассоциативных и психосемантических методов. Хотя эмпирические исследования еще продолжаются, мы уже сейчас можем вести речь о ряде психологических особенностей современного МГПС.

Во-первых, как мы обнаружили, не смотря на все глобализационные процессы последних десятилетий (и уверения многих интеллектуалов про «изменение картины мира в сознании людей», «стирание национально-государственных границ» и т.д.), модель мира, или, точнее говоря, геополитическая карта мира, по-прежнему носит модернистский, т.е. «государственно-ориентированный» характер. Иными словами, основными элементами глобального геополитического пространства по-прежнему считаются национальные государства, а не наднациональные образования. В частности, результаты опроса, проведенного нами в разных регионах Украины (2011 г.), показали, что основу геополитических ментальных карт мира жителей Украины составляют именно страны, а именно: США (упоминались 81% опрошенных), Россия (74%), Германия (53%), Украина (50%), Великобритания (44%), Китай (42%), Франция (39%), Япония (34%) и Канада (34%). Региональные политико-экономические и военно-политические союзы упоминались намного реже: Евросоюз – 25% респондентов, НАТО – 22%, а СНГ – 14%.

В другом нашем исследовании (2012 г.) было выявлено, что во всех возрастных и половых группах имеет место практически одинаковая пропорция компонентов МГПС (последние выявлялись с помощью ассоциативного теста, при котором испытуемых просили привести любые ассоциации, касающиеся политики ранее упомянутых стран). На первом по частоте месте были ассоциации-знания (идеи). Примерами являются ответы типа «демократия», «агрессивная политика», «война», «развитие», «сильная страна», «лучшая жизнь». На втором месте были ответы-образы: «Путин», «Обама», «королева Елизавета», «доллар», «автомобили», «Эйфелева башня», хотя их количество в 2-5 раз уступало частоте ассоциаций первого типа. Со значительным отрывом на третьем и четвертом местах были

соответственно ответы-эмоции («ужас», «власть, которая мне не нравится») и желания-интересы («всегда хотела там побывать», «следует заботиться о людях»). При этом, с возрастом имело место определенное увеличение количества геополитических идей и эмоций, что, вероятно, связано с развитием политического сознания, роста заинтересованности геополитическими проблемами. В то же время, количество геополитических ассоциаций-образов было выше у мужчин, а эмоций и интересов-желаний – у женщин. Возможно, это является результатом большей «политизированности» мужчин, и «эмоциональности» – женщин.

Было обнаружено, что социальные представления о разных геополитических акторах отличаются по мере выраженности в их структуре политических компонентов. Так, «ядро» представлений про США, Россию, Украину носит преимущественно социально-политический характер, в то время как про другие страны – неполитический («парагеополитический»), в частности экономический и культурный. Например, доминирующей ассоциацией относительно Японии был «научно-технический прогресс». В целом, при восприятии большинства стран имеет место своеобразный «микс» из политических, экономических и культурологических представлений и оценок, что подтверждает системный характер МГПС.

Выявилось, что геополитические образы и представления имеют разный уровень персонифицированности. В наибольшей мере это касалось России (образ В.Путина) и Великобритании (Елизавета II), в несколько меньшей – США, Германии и Франции (действующие президенты и канцлер). Интересно, что политических лидеров своей страны испытуемые вспоминали еще реже (возможно это было связано с выраженной негативной оценкой социально-политической ситуации на Украине). А относительно Японии и Канады персонифицированные геополитические образы просто отсутствовали.

Подтверждением комплексного характера МГПС могут быть и выявленные нами критерии («конструкты») восприятия и оценки геополитических акторов. Практически во всех группах имели место три основных критерия: 1) социально-экономическое благополучие и демократичность страны; 2) эмоциональное отношение к стране, связанное с характером ее внешней политики (агрессивность-миролюбивость); 3) открытость и культурная самобытность страны. Будучи основой социальной категоризации стран, эти три критерия-конструкта фактически формируют «систему координат» массовых геополитических ментальных карт мира.

Выводы. Массовое геополитическое сознание является социально-психологическим (и политико-психологическим) феноменом, сущность которого состоит в отражении массовым сознанием событий и явлений «политического мира» сквозь призму «мира географического» путем отождествления определенного географического пространства с проводимой там политикой. Структурно оно включает социальные представления и стереотипные образы геополитического характера, а также массовые настроения и интересы-желания относительно геополитических проблем. Развитие и функционирование данного феномена связано с действием достаточно широкого круга социальных и других факторов, а также психологических и социально-психологических механизмов. Основными особенностями современного МГПС являются его комплексность (тесное переплетение политических и неполитических представлений), а также «государственно-ориентированный» характер («привязка» к образам «своей» и «чужих» стран). Перспективным направлением дальнейших психологических исследований феномена МГПС, на наш взгляд, является выявление характера и конкретных психологических механизмов влияния социокультурных факторов на геополитический образ (ментальную карту) мира и своей страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Ó'Tuathail G. Geopolitical Structures and Geopolitical Cultures: Towards Conceptual Clarity in the Critical Study of Geopolitics [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.toal.net/Publish/Papers/GeopoliticalCulture2.pdf>
2. Колосов В. «Низкая» и «высокая» геополитика: образы зарубежных стран в представлениях российских граждан // Отечественные записки. 2002. №3. С.33-51.
3. Ó'Tuathail G. Geopolitical Structures and Geopolitical Cultures...
4. Шевченко М.М. Геополітичні знання як системна основа формування суспільної свідомості (соціально-філософський аспект аналізу): автореф. дис. ... канд. філос. наук: 09.00.03. К., 2004. 18 с.
5. Жаде З.А. Геополитическая идентичность России в условиях глобализации: дис. ... докт. полит. наук: 23.00.02. Ростов-на-Дону, 2007. 352 с.
6. Косолапов Н.А. Внешнеполитическое сознание: категория и реальность // Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталева М.А. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. М., 2002. С.207-222.
7. Чугров С.В. Понятие внешнеполитического менталитета и методология его изучения // Политические исследования. 2007. № 4. С.46-65.
8. Моро-Дефарж Ф. Введение в геополитику: пер. с франц. М.: Конкорд, 1996. 147 с.
9. Єфімова В.В. Геоідеологічна парадигма України та геополітична свідомість військових фахівців // Вісник Національної Академії оборони України. 2009. № 5 (13). С.198-201.
10. Кудряченко А.І., Рудич Ф.М., Храмов В.О. Геополітика. К.: МАУП, 2004. 296 с.
11. Дроздов О. Геополітична свідомість як психологічний феномен // Соціальна психологія. 2010. № 5. С.26-37; Дроздов А.Ю. Феноменология геополитического сознания // Психология сознания: современное состояние и перспективы: матер. II всерос. науч. конфер. (29 сентября – 1 октября 2011 г., Самара). Самара, 2011. С. 171-174.
12. Ганзен В.А. Системные описания в психологии. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1984. 176 с.
13. Грушин Б.А. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования. М.: Политиздат, 1987. 368 с.
14. Ольшанский Д.В. Психология масс. СПб: Питер, 2001. 368 с.
15. Шайгородський Ю. Міфотворчість в Україні як соціальна технологія // Сучасна українська політика. Політики і політологи про неї. К.-Миколаїв, 2008. Вип. 13. С.27-43.
16. Куланов А. Русско-японская война как фактор формирования имиджа Японии в России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://leit.ru/modules.php?name=Pages&pa=showpage&pid=1466>
17. Кузнецов Д.В. Внешнеполитический менталитет современных американцев: сущность и структура // Этнопсихологические проблемы в современном мире: матер. междунар. научно-практ. конф. (Благовещенск, 1 ноября 2009 г.). Благовещенск, 2009. Вып. IV. С.72-80.
18. Петренко В.Ф., Митина О.В., Бердников К.А. Психосемантический анализ геополитических представлений России // Психологический журнал. 2000. Т.21. № 2. С.49-69.
19. Прокопенко В.Л. Геополітичний образ країни як чинник громадянської ідентичності студентської молоді: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05. К., 2012. 18 с.; Хазратова Н.В. Психологія відносин особистості й держави: автореф. дис. ... докт. психол. наук: 19.00.05. К., 2005. 33 с.

Article received: 2013-03-23